

УДК 821.161.1

EDN: CFSQSK

Особенности хронотопа и маршрута в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова

Раков Андрей Алексеевич

учитель русского языка и литературы высшей квалификационной категории, Школа № 79 им. Н. А. Зайцева; соискатель кафедры русской и зарубежной филологии факультета гуманитарных наук, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина. Россия, г. Нижний Новгород. SPIN-код: 4212-8723. ORCID: 0009-0000-1488-3332. E-mail: rane496@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности организации времени и пространства в первом крымском путешествии П. И. Сумарокова, для которого характерно влияние художественного сознания предромантизма и сентиментализма. Актуальность работы обусловлена интересом современных исследователей к локальным (региональным) текстам русской словесности, к жанру травелога; а также отсутствием работ, связанных с полноценным анализом крымских травелогов П. И. Сумарокова в контексте сентиментального путешествия конца XVIII – начала XIX в.

Целью статьи является комплексное изучение особенностей хронотопа и маршрута в травелоге П. И. Сумарокова «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году». Методологически исследование демонстрирует имагологический, культурно-исторический, биографический, сравнительно-типологический и компаративный подходы и опирается на труды, посвященные литературному путешествию и крымскому тексту русской словесности.

В результате проведенного исследования было выявлено, что сопоставление по принципу прошлое – настоящее стало главным средством описания местности в рассматриваемом тексте и основано на трех приемах: аллюзии, ассоциации, ретроспекции. На страницах крымского травелога П. И. Сумарокова нередко путешествие в пространстве превращается в путешествие во времени. Особое внимание в исследовании было обращено на мифопоэтический образ Крыма, поскольку полуостров в представлении П. И. Сумарокова наделен чертами сакрального пространства. Авторское осмысление идеологемы «Москва – Третий Рим», связанной с византийским наследием и концептом возвращения, и актуализация мифологем «райского места» и «города-сада» репрезентировали мировоззренческие установки автора. Исследование также показало, что жанрообразующими категориями травелога являются маршрут, хронотоп, локус.

Ключевые слова: сентиментальное путешествие, П. И. Сумароков, маршрут и хронотоп травелога, крымский текст, мифопоэтика.

Маршрут определяет структуру литературного путешествия: автор заранее намечает путь, по которому он будет двигаться, но в поездке часто происходят незапланированные встречи, происшествя, которые путешественник описывает порой так же подробно, как особенности ландшафта. Однако эта видимая документальность, достоверность бывает обманчивой, поскольку автор намеренно осуществляет выборку событий: чем-то он охотно делится с читателем, а о чем-то решает умолчать. В. А. Шачкова, анализируя маршрут травелога, выделяет важную особенность, состоящую в *синтезе объективного и субъективного начал* [18, с. 280]. В качестве объективного начала выступают факты, «с которыми сталкивается путешествующий независимо от своей воли», субъективным же является авторский отбор этих фактов. Из этого следует вывод, что именно маршрут, «развернутый в пространстве и времени и обуславливающий конструкцию, композицию произведения» [4, с. 50], является сюжетообразующим началом в литературе путешествий.

Сам сюжет травелога типичен и представляет собой перемещение героя в пространстве, поскольку литературное путешествие (в особенности сентиментальное) преследует одну главную цель: передать мысли и эмоции самого путешественника. Персонажи, окружающие главного героя, почти всегда являются *эпизодическими* и не участвуют в развитии сюжета – автор вводит их для того, чтобы показать этнические и культурные особенности народа исследуемой местности.

Организация пространства в литературе путешествий тоже чаще всего однотипна и представляет собой два вида пространства:

- 1) закрытое пространство (определенная городская или сельская местность);

2) открытое пространство (дорога до этой местности, которая преодолевается путешественником).

По словам Ю. М. Лотмана, «понятия “верх – низ”, “замкнутый – разомкнутый” организуют пространственную структуру текста, а важнейшим топологическим признаком пространства является граница» [9, с. 318]. События, которые происходят с путешественником во время поездки, излагаются в хронологической последовательности, а читатель движется по следам автора; композиция в травелогах чаще всего линейная. Однако за внешней простотой организации времени и пространства в литературе путешествий скрывается куда более сложный хронотоп, имплицитно выражающий авторскую интенцию. А. Л. Латухина выделяет несколько хронотопических уровней:

– «хронотоп героя» – «бытовое пространство» (конкретное пространство и время путешествия героя);

– «историко-культурный хронотоп» (архитектурные памятники, реминисценции);

– «мифопоэтический хронотоп» («космическое пространство») [8, с. 91].

Опираясь на эту модель, определим особенности хронотопа сентиментального путешествия П. И. Сумарокова.

Павел Иванович Сумароков (1767–1846) отправляется в Крым в 1799 г., во время правления Павла Первого, когда полуостров, «обратившийся в уезд», был причислен к «Екатеринославской губернии, переименованной тогда в Новороссийскую» [12, с. 129]. Несмотря на то что поездку П. И. Сумарокова следует назвать путешествием внутри своей страны, отметим схожесть ситуации, в которой оказались и европейские, и отечественные путешественники, впервые побывавшие на полуострове в это время: только что присоединенная к Российской империи Таврида являлась экзотическим и неизведанным пространством как для русских людей, так и для европейцев и привлекала путешественников своей древнейшей историей [17]. Маршрут Сумарокова мало чем отличался от маршрута его предшественников (Ш. Ж. Ромм, П. С. Паллас) и выглядел следующим образом: Симферополь – Белогорск (Карасубазар) – Феодосия (Кафа) – Керчь (Пантикапеум) – Еникуль – Арабат – Старый Крым – Сулак – Алушта – Партенит – Никита – Ялта – Алушка – Балаклава – Ахтиар (Севастополь) – Бахчисарай – Симферополь (Акмечеть) – Кезлов (Евпатория) – Перекоп. Где-то П. И. Сумароков задержался дольше, чем планировал, другие места посетил проездом.

Если опираться на предложенное в работе А. Л. Латухиной деление пространства на три хронотопических уровня, можно увидеть, что в некоторых местах в травелог Сумарокова наблюдается слияние этих уровней (бытовой сливается с историко-культурным, а оба они перекликаются с мифопоэтическим типом хронотопа, тем самым как бы образуя новый хронотопический уровень). Следовательно, стоит признать, что подобное деление носит условный характер и не может схематизировать хронотоп литературного путешествия в целом. Пространство в травелог постоянно расширяется или сужается, «диапазон его безграничен – от «интимно» близкого пространства собственной мысли до тех сколь угодно дальних пределов, куда может залететь собственное воображение» [3, с. 146].

Организация быта героя, или «*бытового пространства обыденной жизни*» (Ю. М. Лотман), в крымском путешествии П. И. Сумарокова довольно проста: путешественник находится в том пространстве, которое впоследствии будет описывать, иногда происходят отклонения от маршрута, о которых сам путешественник сообщает читателю. Например, находясь в Еникуле, Сумароков пишет о том, что его посетила мысль переплыть на азиатскую сторону в Тамань, осмотреть тот край, «увидеть взорванный в 1794 г. чудесным извержением холм, и коснуться Бугиса». Однако погодные условия не предоставили путешественнику такой возможности, он не осмелился переплыть «18 верст по бунтующей стихии» и «с сожалением поворотил к Арбату» [15, с. 94–95].

В этом отрывке наглядно проявляется «идея свободы» [3, с. 141], которая, согласно В. М. Гуминскому, есть главный признак литературы путешествий. Сумароков мог и вовсе умолчать о своих несбыточных планах посещения Тамани, а рассказывать лишь о тех местах, которые ему удалось посетить. Заметим также, что автор включает в повествование самостоятельно переведенные на русский язык (иногда стихами) выражения крымских татар:

Пригодно завсегда держать в руках жену;

Коль власть же ей дана, так муж тогда в плену [15, с. 91].

Эту пословицу Сумароков записал со слов крымского татарина в разговоре о мусульманских обычаях и изложил ее в стихах. Наблюдательный путешественник, Павел Иванович

сообщает далее читателю, что во время пребывания на полуострове он не увидел на улицах городов ни одной татарки, что объясняется магометанскими правилами. Подмечает автор и то, что горные татары живут лучше степных, поскольку в их домах крышами служат «потолки, на которых наваленная и гладко укатанная земля составляет преизрядные террасы, где они в прохладные часы с семейством своим сидят» [15, с. 103].

К городским локусам, которые вызывают особый интерес П. И. Сумарокова, относятся церкви, мечети, базары, дворцы, городские улицы, жилища местных, куда приглашают в гости путешественника.

Прошлое – настоящее в описании местности. Важной особенностью рассматриваемого травелога является постоянное сопоставление *современного* состояния города с *прошлым*, причем об истории конкретной местности путешественник знает и рассказывает не хуже, чем о том, что видит собственными глазами. Например, при описании Старого Крыма Сумароков сначала повествует о былом величии многолюдного пространства, а затем рисует картину его современного состояния: «Теперь в Старом Крыму считают только до 70 домов, или, лучше сказать, лачужек; церковей нет ни одной, кроме сооруженной в доме епископа Феодосийского и Мариупольского» [15, с. 98].

Сопоставление по принципу прошлое – настоящее является главным средством описания местности у Сумарокова. Это видно и при упоминании об одном из старинных городов полуострова – Феодосии [13], и при описании Белой скалы в Карасубазаре: путешественник вспоминает события 1783 г., когда представители крымских татар давали здесь присягу на верность России. Погружение в историю осуществляется не только прямым путем, но и с помощью большого количества справок и статистических данных, сносок и гравюр.

При этом важную роль играет категория **времени**. Архитектурные сооружения Крыма, местное население и сами древнейшие города (Пантикапей – центр Боспорского царства, Бахчисарай – столица Крымского ханства) вызывают у Сумарокова ассоциации с конкретными историческими эпохами, прошлое сливается с настоящим, а путешествие в пространстве превращается в путешествие во времени. Приведем в пример отрывок, который построен на античных сравнениях, ассоциациях и аллюзиях: «В этом-то густом лесу Диана преследовала зверей и дриады обитали. Там Церера, увенчанная колосьями, предускоряла жатву; Помона вливала вкусные соки в различные плоды, и Пан, играющий на свирели, забавлял полевых нимф» [15, с. 113].

В тексте Сумарокова постоянно происходит наложение динамичного и статичного пространств, поэтому организацию текста можно сравнить с неким арабеском [5, с. 92], в котором соединяются описываемое впечатление и литературная ассоциация – реминисценция; это позволяет автору философски осмыслить наследие прошлого и слить воедино два пространства с помощью памяти. Следовательно, важным сюжетобразующим приемом в путешествии Сумарокова является **ассоциация**. Похожую мысль высказывает и В. М. Гуминский; рассуждая о хронотопе литературного путешествия, он подчеркивает, что подобная организация пространства, когда движущей силой действия является ассоциация, а сюжет строится с помощью перехода от одного впечатления к другому, напоминает жизнь человека: «Путешествие подчиняется, в сущности, той же эпической закономерности, что и течение человеческой жизни» [3, с. 3]. Сумароков, предвидя упреки в излишней сентиментальности и «литературности» описания, также сравнивает жизнь с художественным произведением: «Может быть, скажут, что эти слова романтические представляют изображения; но наша жизнь еще более на роман походит» [15, с. 108].

Обращение к историческому наследию осуществляется в крымском путешествии П. И. Сумарокова не только с помощью аллюзий и ассоциаций, но и с помощью приема **ретроспекции**. Например, прежде чем вступить на крымскую землю, автор дает развернутую историческую справку для читателя: «Прежде нежели вступлю в сию страну, не бесполезным, полагаю я, будет для читателя найти краткое повествование о первобытных в ней народах» [15, с. 62]. Подача материала в виде диалога с читателем была характерна для сентиментальной прозы XVIII в. В ходе повествования Сумароков неоднократно обращается к своим читателям и подобным образом имитирует общение в доверительной манере. Далее в исторической справке, предваряющей основное описание Тавриды, Сумароков пишет о народах, населявших Крым, о завоеваниях и нашествиях «казаров», «готфов», подробно останавливается на походе князя Святослава, взявшего город Фанагорию. Затем путешественник вспоминает крестившегося в Херсонесе князя Владимира, который в 988 г. «отправил в Тавриду свое войско, город Феодосию или Кафу разорил, церковную утварь отослал в Киев» [15, с. 67] и женился на сестре императора Василия.

О присоединении Крыма к России П. И. Сумароков пишет следующее: «Но в 1783 г. Россия обратила взор на древнее *свое завоевание*, и Таврида, претерпевшая столько над собой превратности, *приобщилась, наконец*, под Ее Державу, и составляет ныне прелестную оной областью» [15, с. 69] (курсив наш. – А. Р.). В этом отрывке имплицитно выражен концепт возвращения/«присвоения» Византии, поскольку Крым действительно воспринимался в то время большей частью образованного российского общества «обретенной Византией» [5, с. 90, 93]. Для автора важно, что Таврида *освободилась* от власти Оттоманской Порты и именно *приобщилась*, стала частью России, а не колонией, где руки победителей «больше заняты защитой захваченной земли, нежели обработкой ее» [7, с. 89].

Мысль о том, что Россия является преемницей Византии и потому имеет общую историю и культуру с Европой, идеологическая установка автора и реализуется даже на бытовом уровне. Например, когда Сумароков рассказывает о трапезе, которую совершал вместе с татарами по их правилам, он не только передает обычаи местных жителей, давая им порой отрицательную оценку, но и идентифицирует себя как европейца: «Восточный обычай есть по-братски из одной чашки мне очень не понравился <...>. Я межевался со своими товарищами чересполосно, отгораживал свою долю в уголок и ел вилкой *по-европейски*» [15, с. 78] (курсив наш. – А. Р.). В другом месте Сумароков также подчеркивает, что он обедал по-европейски, поскольку азиатские приправы ему «уже наскучили» [15, с. 81].

Описывая современное состояние полуострова, Сумароков справедливо замечает его опустошение. Вот что говорит автор о Судаке, ныне популярном курортном городе: «Судак был из числа древних городов; но ныне в нем нет ни одного дома, ни обывателя, и, кроме древней разоренной крепости, да пустых казарам, никакого строения не находится» [15, с. 99]. В таком же духе описывает путешественник и состояние Феодосии, упоминая о том, что Каффа из крупного торгового порта превратилась в небольшой городок, в котором насчитывается около ста домов. Однако автору, в отличие, например, от его французского предшественника Ш. Ж. Ромма, не свойственно винить войну в последствиях опустошения и рассуждать о колонизаторской деятельности. Сумароков уверен в возрождении края, хотя уже во время второй своей поездки на полуостров в качестве судьи он признается, что Россия поспешила с выселением из Крыма некоторых народов (армян, греков, татар).

По мнению автора сентиментального путешествия, нынешний упадок Крыма «временный, результат войн и необдуманных миграций населения» [14, с. 17]. Будущее Крымского полуострова видится Сумарокову в объединении народов и культур под флагом Российской империи («приобщилась, наконец, под Ее Державу», «пришла под Российскую державу»); в этом и заключается историософская концепция писателя и государственного деятеля П. И. Сумарокова. Подобные взгляды о закономерностях истории автор высказывает на протяжении всего повествования; приведем еще один отрывок: «Крым до покорения своего Россией был многолюден <...>. Когда же сия *кроткая Держава*, побуждаемая *человеколюбивыми* своими правилами, пожелала лучше иметь *добровольных* себе подданных, нежели пленников в областях своих, то крымцы, получившие *свободу* и оставаться в своем отечестве, и удаляться из оного, вышли из него к своим единоверным великими тысячами» [15, с. 165] (курсив наш. – А. Р.).

Осмысление состояния Крыма через призму истории присуще не только книге П. И. Сумарокова – многие путешественники того времени (Ш. Ж. Ромм, В. В. Измайлов, И. М. Муравьев-Апостол), приступая к описанию Тавриды, упоминали о тысячелетней истории этого края, чтобы подчеркнуть культурный синтез, связанный с множеством этносов, проживающих на полуострове.

Мифопоэтический образ Крыма. Прошлое Крымского полуострова в восприятии Сумарокова тесно связано с мифопоэтикой, где нагляднее всего актуализируется античный миф. Это неслучайно, поскольку Крым воспринимался путешественниками конца XVIII – начала XIX в. как хнотический рай (Эдем в Тавриде), а следовательно, главной типологической характеристикой мифопоэтического образа Крыма является *мифологема «райского места»*. Подобное восприятие пространства было типичным для авторов эпохи предромантизма и сентиментализма: «Идеологема возвращения и мифологема райского места возникают из типичного для последних десятилетий XVIII поэтического восприятия окружающего мира» [5, с. 91].

Развенчать этот миф помогают записки очевидцев. Например, Дмитрий Борисович Мертваго, вступивший в 1803 г. в должность гражданского губернатора Тавриды, в своих мемуарах крайне негативно отзывается о состоянии, в котором находился полуостров в первые десятилетия после присоединения к России. Среди факторов, ухудшивших состояние края, он

особенно выделяет доноительство, расхищение казны, тягу к богатству и связанные с этим должностные преступления, а наплыв европейских и отечественных путешественников и писателей объясняет одобрением Таврического князя Потёмкина и его желанием «прославиться в России услугою, империи оказанной» [12, с. 125]. Довольно резко отзывается губернатор Тавриды и о населении полуострова тех времен: «Никто из добропорядочных поселян не захотел водвориться в таковые селения», а живут здесь теперь лишь беглые солдаты, желающие записаться «в крестьянство помещика», бродяги, «бездетно умершие» [12, с. 128].

Д. Б. Мертваго подчеркивает, что Крым для русского человека оказался отнюдь не райским местом и что «великое число русских, к крымскому климату не привыкших, погребено в иловато-известковую землю» [12, с. 127]. Возвращавшиеся из Крыма офицеры говорили о тяжести климата, однако во всех травелогах того времени путешественники утверждают обратное, «подстрекая любопытство увеличенными красками» [12, с. 127]. Пишет губернатор и о природном оскудении края, видя главную причину в различии климата, флоры и фауны большинства регионов России и Крыма. По словам Д. Б. Мертваго, «дерево без фруктов и без листьев незнакомо русскому», поэтому солдаты рубили леса для землянок без разбору, оскудели сады, «не пощажены огромные деревья ореховые, грушевые, яблонные и прочие» [12, с. 126].

П. И. Сумароков, наследуя традиции сентиментализма, воспринимает Крым исключительно как райское место и неоднократно называет Тавриду «раем на земле», «эдемским краем», который составляет «лучшую часть России» и является «истинным для нее сокровищем». Вот о чем пишет путешественник, пораженный красотами Крыма: «Не нашел ли бы человек в этом эдемском краю прямых наслаждений в своей жизни? Небольшой его домик, построенный на морском берегу в тени зеленеющих тополей и кипарисов, имел бы вместо пышных убранств спокойствие главным украшением. Появление дневного светила и глас пастушьей свирели, сопровождающей стада на пастбища, возбуждали бы его от безмятежного сна...» [15, с. 107] В этом отрывке явно заметно влияние эстетики сентиментализма и черты пасторали (пастушья свирель, умиротворение героя и жизнь на лоне природы). Сумароков обращает внимание читателя на реальность описываемого пейзажа, но в то же время возводит его в абсолют: «Все придуманные пейзажи суть ничто в сравнении с сими райскими местами» [15, с. 113].

Стоит отметить, что для мифологического сознания характерна идея *вечно повторения*, движения по кругу в бесконечном пространстве, где нет границ между прошлым и настоящим (либо они размыты), а это значит, что в мифопоэтическом хронотопе «время сгущается и становится формой пространства» [16, с. 232]. Показательны в этом отношении эпизоды, в которых Сумароковым описывается начало пути в новый город: «Поутру рано пустился я с К. В. делать по городу визиты»; «Отправился при восхождении солнечном в свой путь»; «Еще не утихла утренняя заря, как я приближался к Перекопу» [15, с. 51, 57, 69]. Повторяющийся мотив начала пути на заре прослеживается на бытовом уровне и актуализирует древнейший архетип Солнца. Герой начинает свое движение вместе с восходом солнца, исследует местность, перемещается в пространстве, а вечером останавливается у местных жителей или в гостинице, чтобы завтра снова повторить этот маршрут в новом пространстве.

Назовем еще одну особенность мифопоэтического хронотопа – *движение к сакральному центру*. В путешествии Сумарокова сакральным центром является не какой-то конкретный город, поселение, улица, церковь или мечеть, но само пространство крымской земли – колыбель русского православия, где крестился князь Владимир. Для книги отечественного путешественника характерна следующая идеологическая установка: русские – преемники античной цивилизации, а Крым – священное место, непосредственно связанное с Крещением Руси.

Мифологема «райского места» в произведении Сумарокова тесно связана с архетипом *города-сада*: «Чем не одарила природа и чего не производит посреди себя оный *общий сад*, или плодоносная теплица всего государства?» [15, с. 171] (курсив наш. – А. Р.). Чертами этого архетипического образа обладает не какой-то конкретный город на территории Тавриды, но сам Крым является общим садом теперь уже российского государства.

Крымские пейзажи занимают отдельное место в книге П. И. Сумарокова. Описывая море, горы и долины, путешественник подчеркивает первозданность пространства: «О природа! <...> ты, рассыпая по вселенной свои богатства, велишь в одном краю пренебрегать тем, что за великую радость поставляют в другом. Бесчисленные в игре оттенки повсюду различают твои произведения» [15, с. 76]. Подобные наблюдения (созерцания) путешественника часто сопряжены с его философскими размышлениями, которые наводят автора на мысль о сущности бытия. Окружающий мир «станет для Сумарокова той сферой, которая позволяет ему самоидентифицироваться» [1, с. 11].

Заключение. Маршрут П. И. Сумарокова, с одной стороны, можно назвать типичным, поскольку автор побывал почти во всех городах, в которых останавливались путешественники до и после него (Ш. Ж. Ромм, П. С. Паллас, В. В. Измайлов, И. М. Муравьев-Апостол, А. С. Грибоедов и др.). С другой стороны, именно Сумароков был одним из первых, кто проложил этот *литературный маршрут* и открыл Крым российскому читателю.

Несмотря на то что события в путешествии следуют в хронологическом порядке, категория времени в травелогe Сумарокова нетипична. Было выявлено, что сопоставление по принципу прошлое – настоящее стало главным средством описания местности в рассматриваемом тексте и основано на трех приемах: аллюзии, ассоциации, ретроспекции.

При таком способе организации пространства и времени, когда прошлое сливается с настоящим, одновременно погружая читателя в историю полуострова и знакомя с нынешним состоянием Тавриды, нагляднее всего актуализируется античный миф и путешествие в пространстве условно превращается в путешествие во времени, поскольку авторские размышления об архитектурных сооружениях древности и исторические справки невольно переносят читателя на несколько тысячелетий назад.

В путешествии по Крыму, оказавшемуся одновременно и «своим», и «чужим» пространством для отечественного путешественника, репрезентируются мировоззренческие установки автора. Помимо типичных для сентиментального путешествия особенностей (идеализация природы, диалог с читателем, эмоциональный отклик на увиденное, преобладание чувств при описании и исследовании местности), тексту Сумарокова присущи и индивидуально-авторские черты:

- сакрализация пространства, связанного с фигурой Владимира Крестителя;
- оригинальное осмысление идеологемы «Москва – Третий Рим», сопряженной с византийским наследием и концептом возвращения;
- актуализация мифологем «райского места» и «города-сада».

Все эти черты, объединенные мотивом пути, организуют хронотоп крымского путешествия П. И. Сумарокова.

Список литературы

1. Галушко А. Д. «Свое» – «чужое» в описании Тавриды П. И. Сумароковым // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского // Филологические науки. Научный журнал. 2022. Т. 8 (74). № 1. С. 3–16.
2. Гончарова О. М. Крым как Византия (вторая половина XVIII века) // Крымский текст русской культуры : материалы междунар. конф. СПб. : ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН, 2008. С. 7–22.
3. Гуминский В. М. Открытие мира, или Путешествия и странники. М. : Современник, 1987. 286 с.
4. Гуминский В. М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М. : ИМЛИ РАН, 2017.
5. Дзюба Е. М. Образы национальной идентификации в жанрах русской литературы последних десятилетий XVIII века // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4 (2). С. 89–95.
6. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л. : Наука, 1984. 716 с.
7. Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм. «Путешествие в Крым в 1786 году» / под ред. Э. Б. Петровой. Симферополь : Бизнес-Информ, 2011. 168 с.
8. Латухина А. Л. Цикл «путевых поэм» И. А. Бунина «Тень птицы»: проблема жанра : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Н. Новгород, 2004. 184 с.
9. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М. : Эксмо, 2023. 448 с.
10. Маслова Н. М. Путевой очерк: проблемы жанра. М. : Знание, 1980. 116 с.
11. Маслова Н. М. Путевые записки как публицистическая форма (Становление и развитие жанра «путешествия» в публицистике). М. : Изд-во МГУ, 1977. 115 с.
12. Мертваго Д. Б. Записки (1760–1824) / изд. подгот.: С. Д. Дзюбанов, Г. Г. Мартынов. Перепеч. с изд. 1867 г. с испр. и доп. СПб. : Русская симфония, 2006. 368 с.
13. Раков А. А. Образы старинных русских городов в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П. И. Сумарокова (Феодосия) // Genius Loci: образы старинных русских городов в творчестве русских и зарубежных писателей / под ред. Н. М. Ильченко и Ю. А. Марининой. Н. Новгород : Мининский университет, 2023. С. 60–64.
14. Сумароков П. И. Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова / предисл. и коммент. Т. М. Фадеевой. Симферополь : Бизнес-Информ, 2022. 280 с.
15. Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году / предисл. и коммент. Т. М. Фадеевой. Симферополь : Бизнес-Информ, 2012. 208 с.
16. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227–285.

17. Храпунов Н. И. Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2011б. Вып. XVII. С. 595–630.
18. Шачкова В. А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 3. С. 277–281.
19. Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий, 1790–1840 / пер. Л. Соловьёва. СПб. : Академический проект, 2004. 271 с.
20. Шестеркина Н. В. Мифологический хронотоп как связь пространства и времени // LINGUA MOBILIS. 2012. № 39. С. 52–60.

Special features of chronotope and route in the "Journey across the Crimea and Bessarabia in 1799" by P. I. Sumarokov

Rakov Andrey Alekseevich

teacher of Russian language and literature of the highest qualification category, School No. 79 n. a. N. A. Zaitsev; applicant of the Faculty of Humanities, Department of Russian and Foreign Philology, Nizhny Novgorod State Pedagogical University n. a. Kozma Minin. Russia, Nizhny Novgorod. SPIN-code: 4212-8723.
ORCID: 0009-0000-1488-3332. E-mail: rane496@mail.ru

Abstract. The article examines the features of the organization of time and space in the first Crimean journey of P. I. Sumarokov, which is characterized by the influence of the artistic consciousness of pre-romanticism and sentimentalism. The relevance of the work is due to the interest of modern researchers in local (regional) texts of Russian literature, in the travelogue genre; as well as the lack of work related to a full analysis of the Crimean travelogues of P. I. Sumarokov in the context of a sentimental journey at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries.

The purpose of the article is a comprehensive study of the features of the chronotope and route in the travelogue P. I. Sumarokov "Travel throughout the Crimea and Bessarabia in 1799". Methodologically the study demonstrates imagological, cultural-historical, biographical, comparative-typological and comparative approaches and is based on works devoted to the literary journey and the Crimean text of Russian literature.

As a result of the study, it was revealed that comparison based on the principle of past – present has become the main means of describing the area in the text under consideration and is based on three techniques: allusion, association, retrospection. On the pages of the Crimean travelogue P. I. Sumarokov often travels in space turns into a journey in time. Particular attention in the study was paid to the mythopoetic image of Crimea, since the peninsula in the view of P. I. Sumarokov is endowed with the features of sacred space. The author's interpretation of the ideologeme "Moscow – the Third Rome", associated with the Byzantine heritage and the concept of return, and the actualization of the mythologemes of "heavenly place" and "garden city" represented the author's worldview. The study also showed that the genre-forming categories of travelogue are route, chronotope, locus.

Keywords: sentimental travel, P. I. Sumarokov, travelogue route and chronotope, Crimean text, mythopoetics.

References

1. Galushko A. D. "Svoe" – "chuzhoe" v opisanih Tavridy P. I. Sumarokovym ["One's own" – "someone else's" in the description of Tavrida by P. I. Sumarokov] // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. Nauchnyj zhurnal.* – Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences. Scientific journal. Vol. 8 (74). 2022. No 1. Pp. 3–16.
2. Goncharova O. M. *Krym kak Vizantija (vtoraja polovina XVIII veka)* [Crimea as Byzantium (the second half of the XVIII century)] // *Krymskij tekst russkoj kul'tury: materialy mezhdunarodnoj konferencii* – The Crimean text of Russian culture: materials of the international conference. SPb., Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences. 2008. Pp. 7–22.
3. Guminskij V. M. *Otkrytie mira, ili Puteshestvija i stranniki* [Discovering the world, or traveling and the country]. M., Sovremennik. 1987. 286 p.
4. Guminskij V. M. *Russkaja literatura puteshestvij v mirovom istoriko-kul'turnom kontekste* [Russian Travel Literature in the World Historical and cultural context]. M., IMLI RAN. 2017.
5. Dzjuba E. M. *Obrazy nacional'noj identifikacii v zhanrah russkoj literatury poslednih desjatiletij XVIII veka* [Images of national identification in the genres of Russian literature of the last decades of the XVIII century] // *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta.* – Herald of the Vyatka State University for the Humanities. 2012. Vol. 4 (2). Pp. 89–95.
6. Karamzin N. M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika.* [Letters of a Russian traveler]. L., Nauka (Science), 1984. 716 p.

7. Krymskie puteshestvija: Charl' Zhil'ber Romm. "Puteshestvie v Krym v 1786 godu" [Crimean travels: Charles Gilbert Romm. "A trip to the Crimea in 1786"] / ed. Je. B. Petrova. Simferopol, Biznes-Inform, 2011. 168 p.
8. Latuhina A. L. *Cikl "putevyh pojem" I. A. Bunina "Ten' pticy": problema zhanra : dis. kand. filol. nauk: 10.01.01* [The cycle of "Travel books" by I. A. Bunin "Ten Birds": the problem of the genre : dis. ... PhD in Philological Sciences]. N. Novgorod. 2004. 184p.
9. Lotman Ju. M. *Struktura hudozhestvennogo teksta* [The structure of a literary text]. M., Eksmo, 2023. 448 p.
10. Maslova N. M. *Putevoj ocherk: problemy zhanra* [Travel essay: problems of the genre]. M. Znanie (Knowledge), 1980. 116 p.
11. Maslova N. M. *Putevye zapiski kak publicisticheskaja forma: (Stanovlenie i razvitie zhanra "puteshestvija" v publicistike)* [Travel notes as a journalistic form: (The formation and development of the genre of "travel" in journalism)] M., Publ. MGU, 1977. 115 p.
12. Mertvago D. B. *Zapiski (1760-1824)* [Notes (1760-1824)]. SPb., Russian symphony, 2006. 368 p.
13. Rakov A. A. *Obrazy starinnyh russkih gorodov v "Puteshestvii po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu" P. I. Sumarokova (Feodosija)* [Images of ancient Russian cities in the "Journey through the whole Crimea and Bessarabia in 1799" by P. I. Sumarokov (Feodosia)] // *Genius Loci: Obrazy starinnyh russkih gorodov v tvorchestve russkih i zarubezhnyh pisatelej: sb. mater. konf – Genius Loci: Images of ancient Russian cities in the works of Russian and foreign writers: coll. materials of conf.* Nizhnij Novgorod, Minin university, 2023. Pp. 60-64.
14. Sumarokov P. I. *Dosugi Krymskogo sud'i, ili Vtoroe puteshestvie v Tavidu Pavla Sumarokova* [Leisure of the Crimean judge, or the second journey to Tavrída Pavel Sumarokov]. Simferopol, Biznes-Inform, 2022. 280 p.
15. Sumarokov P. I. *Puteshestvie po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu* [Travel throughout Crimea and Bessarabia in 1799]. Simferopol, Biznes-Inform, 2012. 208 p.
16. Toporov V. N. *Prostranstvo i tekst* [Space and text] // *Tekst: semantika i struktura – Text: semantics and structure.* M., Nauka (Science), 1983. Pp. 227-285.
17. Hrapunov N. I. *Hersones v opisaniyah evropejskih puteshestvennikov konca XVIII – nachala XIX v.* [Chersonesos in the descriptions of European travelers of the late XVIII – early XIX centuries] // *Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavrii – Materials on the archeology, history and ethnography of Tavria.* 2011b. No. XVII. Pp. 595-630.
18. Shachkova V. A. *"Puteshestvie" kak zhanr hudozhestvennoj literatury: voprosy teorii* ["Journey" as a genre of fiction: questions of theory] // *Vestnik NNGU im. N. I. Lobachevskogo – Herald of the Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.* 2008. No. 3. Pp. 277-281.
19. Shjonle A. *Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoj literatury puteshestvij, 1790-1840* [Authenticity and fiction in the author's self-awareness of Russian travel literature, 1790-1840]. SPb., Academic project, 2004. 271 p.
20. Shesterkina N. V. *Mifologicheskij hronotop kak svjaz' prostranstva i vremeni* [Mythological chronotope as a connection between space and time] // *LINGUA MOBILIS.* 2012. No. 39. Pp. 52-60.

Поступила в редакцию: 11.02.2025

Принята к публикации: 13.15.2025